

О первом полёте в космос. Рассказ для детей

Первый космонавт — Юрий Алексеевич Гагарин

Космические полёты в настоящее время стали практически обыденным делом.

Мы всё время слышим о полётах в космос, и, порой, мало задумываемся о том, какие колоссальные усилия прилагаются для осуществления различного рода космических задумок.

«Неисчерпаемые ресурсы космоса и факторы космических полётов – безграничное пространство, невесомость, вакуум и вместе с тем наличие самых разнообразных физических условий, огромные запасы энергии и вещества, наличие полного спектра химических элементов и многих веществ, многообразие проявлений поля и, наконец, предполагаемое наличие в глубинах космоса разумных существ» — космос может дать многое.

А началась космическая эра не так давно.

«Он сказал: «Поехали!»

Он взмахнул рукой.

Словно вдоль по Питерской,

Питерской,

Пронёсся над Землёй...»

«Поехали!» — фраза, сказанная первым космонавтом Юрием Алексеевичем Гагариным во время старта первого пилотируемого космического корабля «Восток» 12 апреля 1961 года. Она стала культовой, своеобразным символом новой, космической эры развития человечества.

Из воспоминаний Юрия Алексеевича Гагарина, Героя Советского Союза, первого человека в мировой истории, совершившим полёт в космическое пространство (выдержки из книги «Дорога в космос»):

«...Приближалось время старта. Вот-вот нас должны были отправить на космодром Байконур, расположенный на восток от Аральского моря в широкой, как океан, казахской степи.

И все же я томился нетерпением, редко, когда ожидание было так тягостно. Я знал, что корабль, на котором предстояло лететь, получил название «Восток». Видимо, нарекли его так, потому что на востоке восходит солнце и дневной свет теснит ночную тьму, двигаясь с востока.

На космодром летело несколько космонавтов. Все могло случиться. Достаточно было соринке попасть в глаз первому кандидату для полета в космос, или температуре у него повыситься на полградуса, или пульсу увеличиться на пять ударов — и его надо было заменить другим, подготовленным человеком. Уезжающие товарищи были так же готовы к полету, как я. Старт должен был состояться точно в назначенный день и час, минута в минуту. Вместе с нами на космодром ехали несколько специалистов и врач.

На космодроме нас ждали. Там мы встретили многих знакомых специалистов и Главного Конструктора. Прибыл на космодром и Теоретик Космонавтики — так мы между собой называли видного советского ученого, под руководством которого составлялись сложнейшие расчеты космических рейсов. Он все время находился вместе с Главным Конструктором. Я знал, что для этих людей никогда не наступит покой. Они всегда будут искать новое, всегда дерзать. Только творческое содружество этих двух корифеев советской науки, больших коллективов ученых и инженеров, объединенных их единой смелой мыслью, могло породить космический корабль, определить ему надежный путь вокруг планеты с возвращением на Землю. Зашел Главный Конструктор. Как всегда, внимательный, добрый. Ничего не спрашивая, сказал:

— Через пять лет можно будет по профсоюзной путевке летать в космос. Мы расхохотались. Наше самочувствие понравилось ему, и он, мельком взглянув на ручные часы, быстро ушел. Я не уловил в нем и тени тревоги.

Он был уверен во мне так же, как был уверен в себе.

Я вошел в кабину, пахнущую полевым ветром, меня усадили в кресло, бесшумно захлопнули люк. Я остался наедине с приборами, освещенными уже не дневным, солнечным светом, а искусственным. Мне было слышно все, что делалось за бортом корабля на такой милой, ставшей еще дороже Земле. Вот убрали железные фермы, и наступила тишина. Я доложил:

— «Земля», я — «Космонавт». Проверку связи закончил. Исходное положение тумблеров на пульте управления заданное. Глобус на месте разделения. Давление в кабине — единица, влажность — 65 процентов, температура — 19 градусов, давление в отсеке — 1,2, давление в системах ориентации нормальное. Самочувствие хорошее. К старту готов.

Многоступенчатая космическая ракета — сооружение настолько сложное, что его трудно сравнить с чем-либо известным людям, а ведь все познается путем сравнений.

После выгорания топлива отработавшая свое ступень ракеты становится ненужной и, чтобы не быть обузой, автоматически отделяется и сбрасывается прочь, а оставшаяся часть ракеты продолжает наращивать скорость полета. Я никогда не видел ученых и инженеров, нашедших легкое и портативное топливо для двигателей советской ракеты. Но мне, взбирающемуся на ней все выше и выше к заданной орбите, хотелось в эту минуту сказать им спасибо и крепко пожать руки. Сложные двигатели работали сверхотлично, с точностью кремлевских курантов. «Восток» мчался над просторами Родины, и я испытывал к ней горячую сыновнюю любовь. Да и как не любить свою Родину нам, ее детям, если народы всего мира с надеждой обращают к ней свои взоры. Красота-то какая! — снова, не удержавшись, воскликнул я и тут же осекся: моя задача — передавать деловую информацию, а не любоваться красотами природы. Тем более, что «Земля» тут же попросила передать очередное сообщение.

В кабину долетала музыка Родины, я слышал, как родные голоса пели одну из моих любимых песен — «Амурские волны». Вспомнилось, что американцы писали: «Никто не в состоянии точно предсказать, каково будет влияние космического пространства на человека. Известно только одно — человек в космосе будет ощущать скуку и одиночество». Нет, я не ощущал скуки и не был одинок. Разрезая космос, я работал, жил жизнью своей страны. Радио, как пуповина, связывало меня с Землей. Я принимал команды, передавал сообщения о работе всех систем корабля, в каждом слове с Земли чувствовал поддержку народа, правительства, партии. Я сверился с графиком полета. Время выдерживалось точно. «Восток» шел со скоростью, близкой к 28000 километров в час. Такую скорость трудно представить на Земле. Я не чувствовал во время полета ни голода, ни жажды.

Но по заданной программе в определенное время поел ипил воду из специальной системы водоснабжения. Ел я пищу, приготовленную по рецептам, разработанным Академией медицинских наук. Кушал так же, как в земных условиях; только одна беда — нельзя было широко открывать рот. И хотя было известно, что за поведением моего организма наблюдают с Земли, я нет-нет да и прислушивался к собственному сердцу. В условиях невесомости пульс и дыхание были нормальными, самочувствие прекрасное, мышление и работоспособность сохранялись полностью.

Наступал заключительный этап полета, может быть, еще более ответственный, чем выход на орбиту и полет по орбите, — возвращение на Землю. Я стал готовиться к нему. Меня ожидал переход от состояния

невесомости к новым, может быть, еще более сильным перегрузкам и колоссальному разогреву внешней оболочки корабля при входе в плотные слои атмосферы. До сих пор в космическом полете все проходило примерно так же, как мы отрабатывали это во время тренировок на Земле. А как будет на последнем, завершающем этапе полета?

В 10 часов 25 минут произошло автоматическое включение тормозного устройства. Оно сработало отлично, в заданное время. За большим подъемом и спуск большой — «Восток» постепенно стал сбавлять скорость, перешел с орбиты на переходный эллипс. Началась заключительная часть полета.

Корабль стал входить в плотные слои атмосферы. Его наружная оболочка быстро накалялась, и сквозь шторки, прикрывающие иллюминаторы, я видел жутковатый багровый отсвет пламени, бушующего вокруг корабля. Но в кабине было всего двадцать градусов тепла, хотя я и находился в клубке огня, устремленном вниз.

Невесомость исчезла, нарастающие перегрузки прижали меня к креслу. Они все увеличивались и были значительнее, чем при взлете. Корабль начало вращать, и я сообщил об этом «Земле». Но вращение, обеспокоившее меня, быстро прекратилось, и дальнейший спуск протекал нормально. Было ясно, что все системы сработали отлично и корабль точно идет в заданный район приземления. От избытка счастья я громко запел любимую песню:

Родина слышит,
Родина знает...

Высота полета все время уменьшалась. Убедившись, что корабль благополучно достигнет Земли, я приготовился к посадке.

Десять тысяч метров... Девять тысяч... Восемь... Семь...

Внизу блеснула лента Волги. Я сразу узнал великую русскую реку и берега, над которыми меня учил летать Дмитрий Павлович Мартьянов. Все было хорошо знакомо: и широкие окрестности, и весенние поля, и рощи, и дороги, и Саратов, дома которого, как кубики, громоздились вдали...

В 10 часов 55 минут «Восток», облетев земной шар, благополучно опустился в заданном районе на вспаханном под зябь поле колхоза «Ленинский путь» юго-западнее города Энгельса, неподалеку от деревни Смеловка. Случилось, как в хорошем романе, — мое возвращение из космоса произошло в тех самых местах, где я впервые в жизни летал на самолете.

Ступив на твердую почву, я увидел женщину с девочкой, стоявших возле пятнистого теленка и с любопытством наблюдавших за мной. Пошел к ним.

Они направились навстречу. Но чем ближе они подходили, шаги их становились медленнее. Я ведь все еще был в своем ярко-оранжевом скафандре, и его необычный вид немножечко их пугал. Ничего подобного они еще не видели.

— Свои, товарищи, свои, — ощущая холодок волнения, крикнул я, сняв

гермошлем.

Это была жена лесника Анна Акимовна Тахтарова со своей шестилетней внучкой Ритой.

— Неужели из космоса? — не совсем уверенно спросила женщина.

— Представьте себе, да, — сказал я.

— Юрий Гагарин! Юрий Гагарин! — закричали подбежавшие с полевого стана механизаторы.

В эти волнующие первые часы возвращения на Землю из космоса произошло много радостных встреч со знакомыми и незнакомыми друзьями. Все были для меня близкими и родными. Особенно трогательным было свидание с Космонавтом Два, который вместе с другими товарищами прилетел на реактивном самолете с космодрома в район приземления. Мы горячо обнялись и долго от избытка чувств дружески тузили друг друга кулаками.

— Доволен? — спросил он меня.

— Очень, — ответил я, — ты будешь так же доволен в следующий раз...»